

Михаил Яковлевич Цвиллинг: к 95-летию со дня рождения

В.В. Сдобников

В августе этого исполнилось бы 95 лет со дня рождения Михаила Яковлевича Цвиллинга, Переводчика с большой буквы, настоящего ученого и Учителя.

Воспоминания об этом человеке всегда исключительно позитивные, писать о нем легко и приятно. Все, кто был лично знаком с Михаилом Яковлевичем, неизменно отмечали его истинную интеллигентность, уважительное отношение к людям, широчайшую эрудицию, практически совершенное владение иностранными и русским языками, при том что в современном мире подобное сочетание качеств встречается исключительно редко. Но нам, ученикам и коллегам М.Я. Цвиллинга, невероятно повезло, ибо судьба свела нас с этим замечательным человеком.

В переводческом мире Цвиллинг — настоящая легенда, и это представление о нем как о легендарном переводчике-синхронисте полностью соответствует масштабу его личности, уровню переводческого таланта и, разумеется, действи-

тельности. Когда знакомишься с воспоминаниями самого Михаила Яковлевича о том, как он пришел в профессию, возникает ощущение, что он просто не мог не стать переводчиком. Здесь сошлось все — и рука судьбы, и заложенное от природы призвание. Еще учась в школе в польском двуязычном городе Катовице, где преобладал немецкий язык, Михаил Яковлевич освоил его на уровне носителя. Затем, уже в Ленинграде и Москве,

М.Я. Цвиллинг
1925 – 2013

продолжал учиться в немецких школах, а в 1941 году, по окончании 9-го класса, в шестнадцатилетнем возрасте пришел на курсы военных переводчиков.

Потом были годы учебы, военной службы, 3-й Белорусский фронт, Восточная Пруссия, где М.Я. Цвиллинг работал с немецкими военнопленными и выполнял прочие миссии, положенные военному переводчику. После окончания Военного института иностранных языков были десятилетия преподавания в ВИИЯ, МГИМО, МГПИИЯ им. М. Тореца, заведование кафедрой иностранных языков Академии наук СССР. Последняя должность профессора М.Я. Цвиллинга — заведующий кафедрой общей теории, истории и критики перевода МГЛУ.

И все же смыслом жизни Михаила Яковлевича был перевод, прежде всего синхронный. Его дебют в качестве синхрониста состоялся в 1957 году на торжественном заседании, посвященном 40-летию Великой октябрьской социалистической революции, и Международном совещании коммунистических и рабочих партий. С тех пор М.Я. Цвиллинг неоднократно работал на политических мероприятиях самого высокого уровня, в том числе с участием лидеров государства — Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина.

Более пятидесяти лет он заходил в кабину синхронистов, его имя могло бы быть вписано в Книгу рекордов Гиннеса. Вряд ли в нашем мире когда-либо еще появятся люди, способные подобно Цвиллингу осуществлять синхронный перевод в возрасте восьмидесяти пяти

лет! За долгие годы служения переводу именно в синхроне он достиг высочайшего мастерства — такого уровня качества, который остается, пожалуй, недосяжимым идеалом для представителей более поздних поколений синхронистов.

Всю свою жизнь Михаил Яковлевич оставался не только непревзойденным синхронистом, но и ученым-исследователем и педагогом, стремящимся передать свои обширные знания ученикам, сделать из них настоящих переводчиков. Настоящий Мастер синхронного перевода и при этом очень скромный человек, он, несомненно, не мог не беспокоиться о том, как будет развиваться переводческая профессия, кто придет в нее, сможет ли переводческое сообщество успешно справляться с теми задачами, которые встали перед ним в постсоветскую эпоху. В этом нас убеждает содержание статей М.Я. Цвиллинга, опубликованных в сборнике «О переводе и переводчиках», посвященном 85-летию Михаила Яковлевича¹.

При этом, как мы знаем, он не был ни кабинетным ученым, ни просто практиком. Его мир не был ограничен стенками кабины для синхрона или монитором компьютера. Работу «в поле» он успешно совмещал с преподавательской деятельностью. Сейчас можно слышать утверждение, что преподаватель вуза не может быть хорошим знатоком переводческой профессии (по-моему, как раз наоборот: не всякий переводчик-практик может быть хорошим преподавателем). Всей своей жизнью М.Я. Цвиллинг опровергал это легкомысленное утверждение,

¹ Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. – М.: Восточная книга, 2009. 288 с.

совмещающая в себе качества профессионала-практика и педагога, доказывая, что именно такое сочетание более чем естественно для хорошего преподавателя перевода.

Важно и то, что для него было характерно постоянное стремление осмыслить обе свои ипостаси, найти и обозначить пути совершенствования переводческой практики и подготовки будущих переводчиков. В результате сформировался крупный ученый, обладавший способностью к глубокому проникновению в суть обсуждаемых проблем, безупречной логикой рассуждений, основанных на владении методологией научного исследования. Читая работы М.Я. Цвиллинга, убеждаешься в том, что в его сознании каждая проблема находится в неразрывной связи с другими родственными проблемами, а их разрешение опирается на собственное широкое представление автора об общей картине переводческих исследований, состояния науки о переводе и переводческой практики.

Несомненно, имя Михаила Яковлевича Цвиллинга стоит в одном ряду с именами других отечественных основоположников науки о переводе — Якова Иосифовича Рецкера, Леонида Степановича Бархударова, Вилены Наумовича Комиссарова, Александра Давыдовича Швейцера, Рюрика Константиновича Миньяр-Белоручева, Владимира Григорьевича Гака.

Я полагаю, что вклад М.Я. Цвиллинга в развитие переводоведения, переводоведческой мысли до сих пор не получил должной оценки. Возможно, все дело в малотиражности изданий, в которых были опубликованы многочисленные

статьи Михаила Яковлевича. Ситуация немного улучшилась с выходом в свет уже упоминавшегося сборника статей, тираж которого, увы, тоже невелик. А между тем содержание последних работ М.Я. Цвиллинга убеждает нас в том, что в отечественном переводоведении он занимал не просто почетное, но особое место. Прежде всего в силу оригинальности его переводоведческих воззрений и подходов к исследованию перевода, существенно отличавшихся от подходов его друзей и коллег, прочих корифеев науки о переводе.

Пожалуй, именно М.Я. Цвиллинг был первым отечественным переводоведом, который стал рассматривать перевод в рамках определенных коммуникативных ситуаций, отличающихся разнообразием, как некое «переводческое событие», происходящее в реальных условиях. Признавая право коммуникативного подхода на существование, он же предложил и определенные модификации этого подхода, которые в своей совокупности, а также в сочетании с постулатами коммуникативного подхода, составляют определенную, вполне законченную переводоведческую концепцию. Именно об этих модификациях и идет речь в статье, впервые опубликованной еще в 1991 году и публикуемой в данном выпуске².

Вкратце переводоведческая концепция М.Я. Цвиллинга заключается в следующем:

² Цвиллинг М.Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода. Впервые опубликована в сборнике: Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Межвуз. Сборник научных трудов. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический институт иностранных языков им. Н.А. Добролюбова, 1991. С. 151–156.

— реальная конфигурация коммуникативно-прагматических отношений, внутри которой осуществляется перевод, во многих случаях весьма далека от привычной трехзвенной линейной схемы³ (автор оригинала — переводчик — получатель перевода). Более подходящей конфигурацией является своего рода созвездие, или переводческая констелляция — конфигурация взаимоотношений между прямыми и косвенными участниками процесса перевода, отражающая влияние их целевых установок на конечный результат⁴. При таком подходе переводчик становится центральной звездой, находящейся в строго определенных отношениях с окружающими его «светилами». Помимо самого переводчика, элементами такой конфигурации являются автор оригинала, получатель оригинального сообщения, получатель или получатели перевода и инициатор перевода, которого сам М.Я. Цвиллинг рассматривал в качестве ключевого персонажа⁵.

— Поскольку цель, задание, функция доминируют над переводом, именно коммуникативное намерение (или иные прагматические целеустановки) инициатора определяют собой направление и способы осуществления перевода переводчиком, отгесняя исходное коммуникативное намерение автора оригинала на второй план⁶. Представителям традиционного, сугубо лингвистического,

переводоведения это утверждение может показаться крамольным, ведь для них давно стало аксиомой требование равенства коммуникативных эффектов, производимых оригиналом и переводом на соответствующих получателей и, соответственно, требование обязательной реализации коммуникативного намерения автора оригинала в переводе. Однако М.Я. Цвиллинг показывает, что в значительном количестве коммуникативных ситуаций с использованием перевода коммуникативное намерение автора оригинала не реализуется, коммуникативные эффекты не совпадают, поскольку цель осуществления перевода, заданная инициатором перевода, не совпадает с целью создания оригинала. Это дает возможность говорить о так называемом терциарном переводе, то есть о переводе в ситуации, в которой «получатель перевода — как бы “третий лишний”». Для отправителя он лицо совершенно постороннее, обращение адресовано вовсе не ему, и заинтересованность этого получателя в передаваемой информации может не иметь ничего общего с целью исходного высказывания»⁷. К числу коммуникативных ситуаций, в которых осуществляется терциарный перевод, М.Я. Цвиллинг относит судебное заседание (допрос обвиняемого, свидетеля), прослушивание переговоров и иные сходные действия, пропаганда и контрпропаганда, миссионерская деятельность и противодействие ей, социально-этнографическое интервью, психопатологическая диагностика, перевод древних текстов, некоторых жанров

³ Цвиллинг М.Я. Понятие переводческой констелляции // О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. — М.: Восточная книга, 2009. С. 119.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Там же. С. 120.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 118–119.

художественной литературы, так называемых человеческих документов (частные письма, дневники)⁸.

Очевидно, что концепция М.Я. Цвиллинга смыкается с известной скопос-теорией К. Райс и Г. Фермеера, что признавал и сам Михаил Яковлевич. Правда, как он писал, «скопос» не привязан в этой теории к определенному субъекту, а лишь проецируется на деятельность самого переводчика. «При нашем подходе внимание фокусируется также на источнике целеполагания, то есть на инициаторе перевода и его месте в констелляции», — пояснял М.Я. Цвиллинг⁹. Вот вам еще одна модификация коммуникативного подхода, на этот раз модификация скопос-теории.

Выражая надежду на то, что читатели не заподозрят его в мании величия, М.Я. Цвиллинг писал, что в эпистемологическом плане предлагаемая им парадигма «при ее последовательной разработке может сыграть в теории перевода роль, аналогичную роли геометрии Лобачевского по отношению к Евклидовой геометрии или физики Эйнштейна по отношению к Ньютоновской физике»¹⁰. Несомненно, найдутся желающие поспорить с этим утверждением. Но сам факт дискуссии уже подтверждает значимость концепции М.Я. Цвиллинга: то, что незначительно, тривиально или противоречит здравому смыслу обычно не обсуждается, а, как правило, игнорируется или вообще остается незамеченным. Чего не скажешь о предложенной

М.Я. Цвиллингом парадигме переводоведческих исследований.

Результатом обобщения собственно преподавательского и переводческого опыта стали статьи М.Я. Цвиллинга, посвященные методике преподавания перевода и — более широко — проблемам профессиональной подготовки переводчиков. Как уже понятно из слов самого Михаила Яковлевича, для него целеполагание было основным фактором в структуре любой деятельности, в том числе и в деятельности преподавателя.

Работа с будущими переводчиками в вузе обязательно предполагает достижение определенной цели, которая должна четко осознаваться всеми преподавателями. Для М.Я. Цвиллинга такой целью было формирование профессиональной личности переводчика, обладающей, помимо переводческого билингвизма и знаниями в самых разных областях, мощной мотивационной установкой и стремлением к самосовершенствованию. По его мнению, «наряду с чисто профессиональными навыками (то есть “производственной технологией” профессии) существенную роль играют неспециализированные навыки интеллектуальной и творческой деятельности, важнейшим среди которых, по нашему мнению, является своего рода “эвристический ноу-хау”, то есть развитая до автоматизма способность находить оптимальное решение в непредсказуемой лингвистико-коммуникативной ситуации»¹¹. Попутно замечу, что суждения об эври-

⁸ Там же. С. 122.

⁹ Там же. С. 118.

¹⁰ Там же. С. 121.

¹¹ Цвиллинг М.Я. Профессиональные требования к личности переводчика и обучение переводу // О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. — М.: Восточная книга, 2009. С. 177.

стическом аспекте перевода и развитии переводческих навыков были озвучены М.Я. Цвиллингом еще в 1977 году¹², когда дидактика перевода находилась в зачаточном состоянии, как в нашей стране, так и за рубежом. Это ли не пример предвидения возникновения тех проблем, с которыми переводоведение столкнется в 1990-е годы и далее? Вспомним жаркие дискуссии по поводу требований к компетенциям переводчиков, разгоревшиеся в последнее время в связи с разработкой профессионального стандарта «Переводчик».

Весьма значимым является и следующее утверждение М.Я. Цвиллинга: «Такая эвристическая установка (см. выше. — В.С.) может работать эффективно лишь при условии, что она закрепились в структуре личности переводчика в ходе систематического и целенаправленного воздействия *со стороны наставников* (курсив мой. — В.С.)»¹³. Вот еще один пример удивительной прозорливости М.Я. Цвиллинга, который был абсолютно убежден в том, что именно преподаватели играют решающую роль в формировании профессиональной личности будущих переводчиков. Отсюда сугубое внимание не только к методике преподавания перевода, используемой для обучения «производственной технологии», но и к самой личности наставника, преподавателя. По мнению М.Я. Цвиллинга, «именно от опыта,

квалификации и характерологической адекватности преподавателей в основном и зависит качество выпускаемых учебным заведением специалистов»¹⁴. Вполне закономерно ставится вопрос: как выглядит эталонный образ преподавателя перевода? К числу основных характеристик личности преподавателя М.Я. Цвиллинг относит его ответственность за формирование переводчика как профессионально ориентированной личности.

Непременным качеством преподавателя перевода должна стать авторитетность, воздействующая на обучаемых на трех уровнях: 1) на воспитательно-общечеловеческом, 2) на профессиональном и 3) собственно инструментально-методическом. Раскрывая эти составляющие личности преподавателя, М.Я. Цвиллинг поясняет, что личность «учителя» оказывает прямое воздействие и на формирование личности студента. В профессиональном плане речь идет о наличии у преподавателя опыта практической деятельности по меньшей мере в одном из видов перевода. Непременное требование к личности преподавателя — владение преподаваемым языком на уровне, обеспечивающем беспрепятственную межкультурную коммуникацию. Обязательной для преподавателя перевода является и научная компетенция — усвоение им положений современной теории перевода и знакомство с основными проблемами теории

¹² См. Цвиллинг М.Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков // Чтение. Перевод. Устная речь. — Л., 1977. С.172-180.

¹³ Цвиллинг М.Я. Профессиональные требования к личности переводчика и обучение переводу // О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. — М.: Восточная книга, 2009. — С.177.

¹⁴ Цвиллинг М.Я. Проблема подготовки преподавателей перевода // О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. — М.: Восточная книга, 2009. — С.196.

языка. И, наконец, важную роль играет собственно методическое мастерство¹⁵.

Примечательно, что М.Я. Цвиллинг сформулировал требования к личности преподавателя перевода одновременно с западными специалистами в области методики преподавания перевода¹⁶ и даже несколько раньше их, причем предложил более расширенный перечень таких требований, учитывающий, помимо сугубо профессиональных, и личностные качества преподавателя. Вот почему очень не хочется отдавать пальму первенства в разработке такой важной проблемы, как подготовка преподавателей перевода, нашим западным коллегам. Все же Михаил Яковлевич был одним из первых в этой области, как в нашей стране, так и в мире.

Для М.Я. Цвиллинга была характерна широта научных интересов, вполне обычная для личности такого масштаба.

¹⁵ Там же. С. 197–199.

¹⁶ См., например, известные работы Дороти Келли: Kelly D. *A Handbook for Translator Trainers: A Guide to Reflective Practice*. Manchester: St. Jerome, 2005; Kelly D. *Training the Trainers: Towards a Description of Translator Trainer Competence and Training Needs Analysis*. *Traduction, Terminologie, Rédaction*. 2008;21(1):99-125.

Еще одной областью, в которой Михаил Яковлевич работал весьма активно и продуктивно, стала лексикография. Его интерес к лексикографии воплотился в создании большого количества словарей, например, «Русско-немецкого словаря», «Русско-немецкого словаря пословиц и поговорок», «Немецко-русского словаря по филателии и нумизматике», «Немецко-русского военно-морского словаря». Он также является одним из создателей «Немецко-русского словаря в трех томах» (под ред. О.И. Москальской).

Михаил Яковлевич Цвиллинг оставил нам большое наследие, которое еще ждет изучения и скрупулезного, поверхностного анализа. Благоприятное воздействие его личности на тех, кто с ним соприкасался, непреходяще, а результаты его переводческих и научных трудов по-прежнему остаются и навсегда останутся определяющим ориентиром в деятельности его учеников и последователей.

В. Сдобников,
аспирант М.Я. Цвиллинга
1988–1991 гг.

Сюжет на сайте 1tv.ru от 24 мая 2002 г.
«Михаил Цвиллинг — переводчик-синхронист
с полувековым стажем»

<https://clck.ru/QqVwY>